

Да, очень не однозначный вопрос, как нет и на него точного, правильного, универсального ответа.

Я считаю, что идея справедливости правосудия наиболее приемлема для России.

Правосудие- форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесённых к его компетенции дел - об уголовных преступлениях, о гражданских спорах и др.

Основными элементами осуществления правосудия являются: установление факта, события, по поводу которого ведётся судопроизводство (преступление, имущественные отношения и др.), применение к этому факту соответствующей правовой нормы, вывод суда на основе данной правовой нормы по рассматриваемому случаю (признание подсудимого виновным и применение к нему меры уголовного наказания или оправдание его, удовлетворение иска или отказ в нём). Осуществление правосудия судом производится в установленном законом процессуальном порядке.

Основная задача правосудия - защита прав и охраняемых законом интересов личности, юридических лиц и иных объединений, а также Российской Федерации и ее субъектов, органов государственной власти, местного самоуправления. Правосудие осуществляется именем и властью государства, которое призвано обеспечить обязательность исполнения судебных решений, вступивших в законную силу. Правосудие осуществляется в устанавливаемых законами особых процессуальных формах, гарантирующих соблюдение всеми участниками судебного разбирательства уголовных, гражданских и иных дел, конституционных принципов правосудия.

Роль судей и правосудия в России трудно переоценить. Сама наша история, ожидания, надежды граждан, их стремление к справедливости теснейшим образом все это связано. Деятельность судей никогда не была простой. Во все времена она была и остается крайне ответственной и весьма трудной. Но с другой стороны - люди вправе рассчитывать, чтобы суд работал без волокиты, без поверхностной спешки, чтобы суд всегда стоял на страже закона, чтобы преступления не оставались безнаказанными, а приговор суда их вовремя пресекал, и торжествовала справедливость.

Справедливость является важнейшим требованием к применению права, наряду с требованиями законности, обоснованности, целесообразности, истинности. Справедливое судебное решение предполагает точное выявление обстоятельств дела, правильную и всестороннюю оценку ситуации с учетом ее индивидуальных особенностей, верный выбор, истолкование и оценку соответствующей нормы (совокупности норм) права. Правовая система предполагает наличие некоторых способов правоприменения (например, аналогий), позволяющих судье, оставаясь в рамках закона, реализовать в выносимом им решении наибольшую меру справедливости. Для реализации идеи справедливости важным условием является высокий моральный облик судебного представителя.

Необходимым условием реализации справедливости (в ее современном понимании) в судебной практике является определенное состояние судоустройства. В нем находят свое воплощение принципы равенства, соразмерности, независимости, состязательности, гласности, все что связано с пониманием суда как специфически правоохранительного органа. Именно правовые институты, и, в частности, правосудие должны стать гарантом реализации в этих процессах принципов морали и справедливости.

Справедливость – это идея, мысль, отражающая экономические отношения, масштаб, которым измеряются человеческие дела, причем масштаб идеальный. ....Справедливость – идея о том, как следует распределять блага между людьми, как воздавать как относится к другим людям. Любой вид справедливости меняется в ходе исторического развития; во-вторых абстрактное понятие справедливости нуждается в конкретизации и в формулировании более или менее конкретных ее принципов.

Понятием справедливости достаточно часто оперирует законодатель. Так, ст. 3 Налогового кодекса в числе основных начал выделяет принцип справедливости. Ст. 1101 ГК указывает, что при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Преамбула Конституции России гласит: «Мы многонациональный народ .... исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...» В п. 2 ст. 6 ГК отмечается, что при применении аналогии права и обязанности сторон необходимо определять исходя из требований добросовестности, разумности и справедливости. Справедливое вознаграждение за труд выступает в качестве принципа службы в органах внутренних дел [35]. Принцип справедливости отражен в ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». Статья 6 УК РФ не только выделяет принцип справедливости, но и раскрывает его содержание: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемого к лицу, совершившему преступление должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Такую формулировку вряд ли можно признать верной, т. к. нельзя сводить всю справедливость лишь к правилам назначения наказания. Полагаю, что законодательное указание на запрет дважды привлекать одно и то же лицо к ответственности является проявлением принципа законности юридической ответственности.

Уголовное законодательство оперирует понятием справедливости в других статьях Общей части. В качестве цели наказания выступает восстановление социальной справедливости (ч. 3 ст. 43). Назначение справедливого наказания выступает в качестве одного из начал его назначения (ч. 1 ст. 60). Справедливость может выражаться в самых различных формах и понятиях, важно, чтобы правовые нормы и их применение отвечали защите естественных и общепризнанных демократических прав и свобод, общепризнанным нормам и принципам морали демократического общества.

Итак, принцип справедливости юридической ответственности является системообразующим принципом. Из него непосредственно вытекают принципы: законности, индивидуализма, неотвратимости, ответственности за виновные деяния.

Готовила ответ на вопрос, нашла статью об относительности справедливости, очень актуальна и в наши дни, решила привести её в рамках ответа на вопрос.

Сложным взаимоотношениям между правосудием и справедливостью можно посвятить не одну диссертацию, и в рамках ответа на вопрос не позволяют раскрыть даже в общих чертах эту обширную тему. Поэтому рассмотрим здесь только один из ее аспектов: относительность справедливости и ее конфликт с универсальностью, требуемой от правосудия.

В иерархии ценностей, которой руководствуются судьи, справедливость, как правило, оказывается на втором-третьем месте. Судья часто, если не постоянно, стоит перед дилеммой: справедливость или закон, - и порой разрыв между этими понятиями весьма значителен. Да и представление о справедливости у каждого конкретного судьи достаточно субъективно и спорно.

Приведу в пример стандартную ситуацию: бракоразводный процесс с иском о передаче детей одной из сторон. В подобном случае суд обязан руководствоваться интересами ребенка (само по себе весьма туманное понятие, требующее отдельного исследования). Но вот что интересно: если оба родителя живут в одной стране, мы обычно не находим в решениях суда какой бы то ни было предвзятости, но если один из них живет за ее пределами, суд, как правило, предпочтет оставить ребенка в том государстве, судебную

систему которого он представляет. Если же отец живет в одной стране, а мать в другой, и в судах обоих государств ведутся параллельные судебные процессы, неизменно оказывается, что каждый из двух судов предпочтет того родителя, который находится по его сторону границы.

Само определение понятия справедливость имеет глубокий цивилизационный, национально-исторический контекст; оно, как модно сейчас говорить, культурозависимо. Так, например, во Франции за последние пятьдесят лет (раньше этого, очевидно, просто не проверяли) не было случая, чтобы осудили мужа, заставшего жену с любовником и лишившего жизни одного из них или обоих, как убийцу. Всегда находится более мягкая статья, ведь супруга так легко понять, особенно если события происходят во Франции. В другой стране, возможно, сказали бы: убийство есть убийство, вне зависимости от его мотивов, и муж должен понести наказание именно за это преступление.

Вообще же тот, кто пожелает узнать, насколько разнятся представления о естественной справедливости в разных странах, может просто пересечь Ла-Манш. Всего семьдесят километров - а каковы различия!

В контексте рассматриваемой темы полезно обратиться к международному праву. Это область представляет особый интерес именно тем, что законодательная сторона в ней куда менее разработана, чем в замкнутой судебной системе конкретного государства.

Судебная система любой страны оперирует понятиями национальные интересы или польза государства. Смысл, который вкладывают в них, может оставаться неизменным в течение долгого времени, периодически обретает новые грани, а порой превращается в свою противоположность. Причем изменения могут быть вызваны как краткосрочным тактическим интересом, так и фундаментальным, продиктованным заботой о будущем страны. Влияние фактора национальные интересы на правосудие в различных государствах неодинаково, но, так или иначе, он привнес в юридическую практику элемент субъективности, волюнтаризма.

Ареной столкновения специфических представлений правовых систем разных стран о справедливости является именно международное право - перекресток, где все они встречаются. Поскольку каждая страна тянет одеяло на себя и убеждена в оптимальности именно своего подхода к правосудию, то в поиске приемлемых для различных государств универсальных правовых норм при несовпадении законодательных систем неизбежен отказ от многих юридических принципов, принятых в одной из них и противоречащих другим.

Так и получается, что именно международное право вынуждено чаще других юридических систем апеллировать к естественному чувству справедливости - и не от хорошей жизни, а от недостатка полномочий и, главное, отсутствия общепринятого корпуса законов. Ведь если каждая страна имеет более или менее цельный юридический кодекс, то международному суду приходится судить... беззаконно. Разумеется, в основу международного судопроизводства положена совокупность межгосударственных соглашений и договоров, но эта база не может выдержать сравнение с полноценной юридической системой отдельной страны. Само право международного суда судить, выносить приговоры и приводить их в исполнение не является самоочевидным. Только согласие суверенных государств признать его решение дает этой институции легитимацию и силу.

Так справедливость превращается в основной, если не единственный, фактор судопроизводства. И здесь возникает философский, скорее даже теологический вопрос, который, при всей своей отвлеченности, оказывается вполне практическим: существует ли вообще объективная справедливость?

Корни международного права уходят в глубокую древность, но нынешний этап его развития начат, несомненно, в 1945-м году, с Нюрнбергского процесса, на котором не только совершилось правосудие, но и были вынесены смертные приговоры, приведенные в исполнение. Удивительный прецедент: казнь на основании справедливости, а не закона! Но какой справедливости? Кто ее определил таковую?

Идея привлечения правящей верхушки страны к международному суду основывается на следующих посылах:

1. можно судить не только за нарушение закона, но и за его исполнение и даже за его принятие;
2. можно судить за совершение преступления, не предусмотренного ни одним из известных существующих сводов законов, например за геноцид;
3. закон может быть преступным.

Кстати, отрицание правомочности этих посылок и было генеральной линией защиты в течение всего процесса. Что же противопоставило этому обвинение?

Представим себе, что государство А объявляет войну государству Б, оккупирует его и принимает решение: каждого десятого гражданина страны Б в утрашение расстрелять. Парламент проводит соответствующий закон, в полном соответствии с принятой процедурой, и утверждает его большинством голосов. Подсудна ли подобная практика, и если да, то на каком основании?

Обвинение, представлявшее страны коалиции в Нюрнберге, в качестве решающего аргумента в пользу правомочности самого процесса выдвинуло тезис о существовании некой объективной, естественной справедливости. То есть при принятии преступного решения неважно, соблюдены ли формальности, заседал ли парламент, каким большинством оно принято, что считал при этом Конституционный суд и прочие инстанции. Есть высший закон - в данном контексте неважно, какой именно, - который стоит над частными законодательствами стран и их легалистской практикой. Этот закон, даже если он и не сформулирован и не записан, а существует только в интуитивном чувстве справедливости, присущем человечеству, может служить основанием для судопроизводства и даже привести к смертной казни. Сегодня, полвека спустя после Нюрнберга, эта идея стала не только юридической нормой, но и частью общечеловеческого консенсуса. А ведь это отнюдь не юридический подход - скорее, теологический.

Эта идея важна еще и потому, что законы страны могут, не всегда логично или справедливо, но кардинально меняться. В Израиле в пятьдесят первом году некто предстал перед судом по незначительному уголовному обвинению. Судебный процесс подошел к концу, к тому этапу, когда защитник оспаривает не сам факт вины, а лишь суровость приговора. И тут прокурор извлек из папки документ и зачитал его: у подсудимого, оказывается, есть уже одна судимость, да какая! В сорок седьмом году он был судим за участие в террористической организации. Судья неожиданно прервал речь прокурора и сказал: я тоже был членом этой террористической организации. Речь шла о Хагане, действовавшей против британских мандатных властей в Палестине. В сорок седьмом году она была в подполье, но во время описываемого суда ее руководство уже было, фактически, руководством страны!

Еще один пример. В социалистической Венгрии один еврей был арестован и судим по обвинению в сионизме. Политическая полиция этой страны была печально известна своими методами даже в рамках социалистического лагеря. Следователь попался старательный, еврей перенес страшные пытки и получил семь лет. Отсидев, репатриировался в Израиль. Однажды, идя по улице, он встретил... своего следователя. Бывший зэк подал против него судебный иск в установленном законом порядке. За что судить? Обвиняемый действовал по закону, в интересах государства, которому тогда служил. Судить за бесчеловечность? За преследование евреев? Сионистов? Как соотносятся справедливость и закон в таких случаях, со сменой режима? Чему отдать предпочтение, чем руководствоваться при этом?

В Торе можно найти ответ на эти вопросы. И сказал Всевышний: “Вопль [жалующихся] на Содом и Гоморру стал велик, и грех их [жителей] очень тяжел. Сойду и посмотрю: если они поступали так, как [слышу Я] в вопле [жалующихся] на них, восходящем ко Мне, тогда - конец им! Если же нет - узнаю” (Брейшит, 18:20,21). В нашей традиции много внимания

уделяется законам Содома, их бесчеловечной рациональности и жестокости. В этом городе судили по закону! Результаты проверки Всевышним нам хорошо известны.

Более того, во времена Ноя Творец решил, что законы, установленные людьми, бесчеловечны. Он послал на землю очищающие воды потопа - с тем, чтобы исчезли те, кто совершает преступление по закону.

Справедливость существует, она выше формального закона, принятого людьми. В состоянии ли человек найти ее путем размышлений или интуитивно?

Может быть, мы должны оставить это Судье всей земли? Вопросы эти сложны и всегда будут в определенной мере открытыми, но направление поиска очевидно.